

«Концептуальный каркас» экономической теории: история, потенциал, перспективы использования¹

Евгений П. ДЯТЕЛ ✉

Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Для цитирования: Дятел, Е. П. (2023). «Концептуальный каркас» экономической теории: история, потенциал, перспективы использования. *AlterEconomics*, 20(3), 527–547.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.3>

Аннотация. Концептуальный каркас — одно из ключевых понятий методологического мейнстрима европейской науки, которое плодотворно использовали физики, математики, лингвисты и социологи. В научно-исследовательском и научно-образовательном сообществах экономистов оно не нашло достойного применения, что делает актуальным освоение его эвристического потенциала и, в качестве первого шага, имплементацию этой ключевой методологической категории в контекст современных экономико-теоретических исследований. Целью статьи служит определение концептуального каркаса экономической теории на различных стадиях ее формирования, возможностей и перспектив его использования как организующей основы категориального аппарата экономической науки. Теоретико-методологическую базу исследования составляет последовательное рассмотрение этапов становления концептуализма, начиная от 1) классического образования, формирующего мировоззрение будущего ученого; 2) классической науки, соединившей рациональную (описательную) и экспериментальную (объяснительную) исследовательские функции, — вплоть до современных (неклассических) научных представлений, включая неоклассическую, эволюционную и неинституциональную экономические теории. Применяемые автором методы состоят в аналитике и критической оценке текстов, а также сопоставлении идей экономистов разных временных периодов. В статье представлены исторический обзор и критическая оценка теоретико-методологических подходов в трудах позитивистов (Э. Маха, Р. Карнапа и др.), постпозитивистов (К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса), экономистов (К. Маркса, Л. Вальраса, Д. Норта) и ряда других авторов. Выявлен и охарактеризован концептуальный каркас марксизма, основанный на применении материалистической диалектики и материалистического понимания истории. Приведены примеры его верификации на материалах экономических дисциплин. Основным результатом исследования стала выявленная результативность концептуального мировоззрения и системы базовых понятий для структурирования нормативной экономики, классической политэкономии, неоклассики, иных экономических дисциплин.

Ключевые слова: теоретическая экономика, концептуальный каркас, метод научной абстракции, субстанциональный подход, парадигма, исследовательская программа, теоретико-методологический синтез экономического знания

Благодарность: Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2023 год.

¹ © Дятел Е. П. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

“Conceptual Framework” of Economic Theory: History, Potential, and Prospects of Application

Evgeny P. DYATEL ✉

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

For citation: Dyatel, E. P. (2023). “Conceptual Framework” of Economic Theory: History, Potential, and Prospects of Application. *AlterEconomics*, 20(3), 527–547. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.3>

Abstract. Conceptual framework stands as a pivotal notion in the methodological landscape of European sciences, having found productive applications in physics, mathematics, linguistics, and sociology. In the realm of economics, however, its potential remains underexplored, making it imperative to explore its heuristic value and integrate this methodological concept in contemporary research. This article aims to outline the conceptual framework of economic theory at different stages of its development and explore how it can organize the structure of economic science. The study analyzes the evolution of conceptualism in a sequence. This journey starts with classical education, shaping a scholar’s worldview, and classical science, combining rational (descriptive) and experimental (explanatory) research. It extends to modern (non-classical) scientific concepts, like neoclassical, evolutionary, and neo-institutional economic theory. The article examines different viewpoints, including those of positivists (E. Mach, R. Carnap, etc.), postpositivists (K. Popper, T. Kuhn, I. Lakatos), and economists (K. Marx, L. Walras, D. North). It identifies and describes the conceptual framework of Marxism, which is based on materialist dialectics and historical materialist perspectives. The article also shows how using the conceptual worldview and fundamental concepts effectively structures normative economics, classical political economy, neoclassicism, and other areas of economics.

Keywords: theoretical economics, conceptual framework, method of scientific abstraction, substantive approach, paradigm, research program, theoretical and methodological synthesis of economic knowledge

Acknowledgments: The article has been prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2023.

1. Введение

Методологический мейнстрим европейской научной мысли XIX–XX вв. формировался представителями позитивизма и постпозитивизма — ведущих направлений аналитической философии, которые выработали ряд ключевых понятий, не утративших своего значения до настоящего времени. Среди них важное место занимают языковые каркасы, описывающие эмпирическую реальность и образующие фактуальный контекст прикладной науки. Фундаментальные исследования основываются на концептуальных каркасах, выражающих взгляды ученого на происхождение природы, человека и общества и содержащих теоретико-методологический и аксиологический аспекты познания. Существенный вклад в их осмысление внесли И. Кант, Л. Витгенштейн и другие видные философы нового и новейшего времени. Окончательные формулировки языковой и концептуальной каркасы приобрели в трудах физиков Э. Маха, Р. Карнапа, математиков К. Поппера, И. Лакатоса, физика, историка и социолога науки Т. Куна. Уточнение их гносеологического и онтологического содержания и способов практического использования продолжалось в последующие годы.

В теоретической экономике эпистемологический потенциал данных понятий оказался не столь востребован, хотя мог бы придать более системный характер суждениям и выводам об истории, современном состоянии и перспективах развития экономической науки. Настоящую публикацию автор рассматривает как первый

шаг по имплементации концептуального каркаса — одной из ключевых категорий методологического мейнстрима, представленного течениями позитивизма и постпозитивизма, в контекст современных экономико-теоретических исследований.

2. Концептуализм как методология научного мышления и классического образования

2.1. Становление, основные элементы и формы реализации концептуального мышления

Под концептуальным каркасом мы понимаем способ структурно-логического обоснования действительности. Исходные элементы: идеи Платона и принципы (причины) Аристотеля, сыгравшие особую роль в становлении классических образования и науки, формировавших мировоззрение европейского исследователя. Начальный этап восходит к средневековой схоластике (Шумпетер, 2001, Т. I).

Задача схоластики, верифицирующей господствующую идеологию, состояла в объединении постигаемых верой или интеллектуальной интуицией первоначал и опытного человеческого знания. Противоречие между эмпирическими фактами и субстанциональными определениями: Бога, материи, человеческой души — предмет спора между реалистами и номиналистами. Представители первого направления утверждали, что универсалии (общие понятия) существуют: до вещей — как один из атрибутов божественного первоначала; в самих вещах — как их сущность или форма; после вещей — т. е. в человеческом разуме как результат обобщения и абстракции. Номинализм придерживался противоположной точки зрения, признавая реальное существование лишь чувственно воспринимаемых индивидуальных предметов. Синтез того и другого присутствовал в концептуализме, который сформировал каркас схолистического естествознания и обществоведения.

Концептуализм, в понимании его виднейших представителей, является основой для структурирования учебного материала и подачи информации от частного к общему. Автор приведенного нами в кратком виде высказывания, Иоанн Солсберийский, полагал, что универсалии, кроме всего прочего, — это некий присутствующий разуму способ, с помощью которого ум устанавливает сходство и подобие между вещами (John of Salisbury, 1962). Классическое образование определялось по степени присутствия в нем античности: греческого и латинского языков, логики и т. д., что не отменяло преподавания практически ориентированных «свободных искусств», включавших астрономию, арифметику, геометрию, а затем и других естественных и гуманитарных дисциплин. Если его истоки можно соотнести с периодом средневековой схоластики, то в последующие столетия оно распространялось и развивалось в континентальной и островной Европе — так, в частности, было гимназическое образование в Германии и императорской России. Критические замечания в его адрес со стороны представителей классической науки: Ф. Бэкона, А. Смита и других властителей дум Нового времени, были во многом справедливы. Производство, все отрасли хозяйства нуждались в образовании, находящемся в тесном союзе с передовыми достижениями науки и техники. Это делало возможным ускоренное развитие рыночной экономики, выдерживавшей жесткую борьбу с сословными ограничениями.

Данный исторический факт не отменяет и не принижает значения нормативной экономики, преобладавшей на определенных этапах и сохранившейся в различных модификациях до наших дней.

2.2. Нормативная экономика

Расцвет нормативной экономики совпал со временем средневековья, кардинально изменившим общественные условия жизнедеятельности основных масс населения. Одержавшее окончательную победу христианство признало потенциальное равенство своих приверженцев перед моральными нормами, включая обеспечение потребностей трудящегося индивида и членов его семьи. Поддержание нормативного хозяйственного порядка обеспечивало рост производства за счет использования естественно выросших факторов, прежде всего, труда как созидательной функции индивида и как «физиологической затраты рабочей силы» (закреплен термин К. Маркса), земли — пространства человеческой жизнедеятельности, а также аграрной и других, ориентированных на природную составляющую, отраслей производства. Тем самым достигались:

- 1) рост населения — важнейшей производительной силы и залога выживания страны в условиях потенциально враждебного окружения;
- 2) регулирование экономических отношений, исходя из единого морально-правового императива.

Последний предполагал обращение к универсальным ценностям, несущим в себе указания на справедливые нормы поведения экономических агентов, в т. ч. желательный уровень цен и процента. Отметим, что ориентация на универсальную справедливость не закрывала выдающимся мыслителям Средневековья, среди которых выделяется личность Фомы Аквинского, путей к признанию эффективности рыночной экономики, включая полезную функцию частной собственности, гарантирующей обратную связь с результатами хозяйственной деятельности, их сохранность, передачу по наследству или другим экономическим агентам.

В этой связи правомерно задаться вопросом о становлении каркаса нормативной экономической науки. В нем проявились черты концептуального подхода, сыгравшего впоследствии важную роль в формировании марксизма, политической экономии социализма, нормативной, по своей сути, экономики Советской России, а также получивших широкое распространение нормативных элементов экономики развивающихся и развитых стран. В нем же оставалась (и остается) нерешенной проблема полноценного синтеза универсалий как основы нормативного мышления и фактов экономической действительности, побуждающих индивидов к рациональному хозяйственному поведению.

Рационализм, как и справедливость, принадлежит к числу наиболее абстрактных категорий. Тот факт, что они не входят в число неотъемлемых свойств индивида или общества, подтверждается эмпирическими наблюдениями, составляющими предмет исследования поведенческой экономики, и объективными статистическими данными. Противоречие между принципом справедливости и ориентированной на достижение эгоистических интересов деятельностью хозяйствующего субъекта предполагает компромисс между ними. Учитывая это обстоятельство, мы вправе предположить, что формирование концептуального каркаса нормативной, равно как и любой другой, экономики отражает историческое развитие общества: тенденцию к улучшению условий жизни для всех его членов («справедливость»); прогресс рыночного хозяйства, способствующий производству и трансакциям произведенной продукции («рациональность»); совершенствование социально-экономической политики как способа достижения компромисса морально-нравственных и экономико-правовых норм. Осознание этих за-

кономерностей требует коллективных усилий ученых, вооруженных современной теорией и методологией исследования. Не претендуя на полное и детальное изучение данного процесса, обратимся к рассмотрению европейского методологического мейнстрима в форме различных течений позитивизма и постпозитивизма, актуальность которых недооценена в российской экономической литературе, и, с точностью до наоборот, игнорируемому ведущими течениями либеральной экономической мысли вкладу Маркса в создание категориального аппарата экономической теории.

3. Методологический мейнстрим и его альтернативы

3.1. Предпосылки и тенденции развития

Под мейнстримом принято понимать преобладающее направление в научной, культурной и иных сферах общественного мышления. Концепцию нормативной экономики, как и схоластику в целом, с большой степенью условности можно отнести к научным дисциплинам. Сколь бы логически стройными ни были лежащие в их основе рассуждения, их интенциональная направленность не предполагает последующего решающего эксперимента. Проверка опытом, например, строительства социализма в СССР, не отрицается и даже приветствуется, поскольку она ведет к более эффективной реализации «подлинно научной» теории, не подвергая сомнению ее базовые положения. Этот факт не исключает использования методологических достижений схолистического мышления (Ореховский, Нуреев, 2023), но выводит за его пределы синтез рационалистической (описательной) и эмпирической (объяснительной) функций научного исследования.

В Новое время, в период становления классической науки (XVI в.) произошел сдвиг в мировоззрении: схоластика окончательно уступила место эмпиризму (Ф. Бэкон) и картезианскому рационализму. По Декарту в духовной субстанции индивида содержатся «изначальные» идеи и средства дедуктивного мышления, тогда как ее противоположность — материя — «стала телом» (Гайденко, 2000, с. 122, 126, 128). На этом пути достигалось единство логического описания и материалистического объяснения исследуемых явлений, плодотворность которого продемонстрировал И. Ньютон в «Математических началах натуральной философии» (1684–1686 гг.). Большую известность приобрел очерк естественнонаучной картины мира (Лаплас, 1982), в котором была показана эволюция Вселенной, однако признание твердо установленного начала, последовательных стадий развития и предсказуемый итог вели к механистическому детерминизму, сохранившему свое влияние на исследования многих российских экономистов-теоретиков. Применительно к биологии, а тем более обществоведению и экономической науке такой эволюционный подход порождал редукционизм, игнорирующий роль мутаций и возможность выбора — свободу воли, проявляющуюся в сознательной деятельности мыслящего индивида и в экономическом поведении хозяйствующего субъекта.

Дальнейший прогресс естественнонаучных и обществоведческих исследований создал условия для возрождения гносеологического понимания материи как объективной, неисчерпаемой и непознаваемой до конца первопричины (Аристотель, 1978). Данный методологический подход проявился в диалектическом и историческом материализме Маркса и Энгельса. В иных формах он нашел свое выражение в трудах основоположников позитивизма.

3.2. Позитивистская революция

Сомнения в подлинно научной картине мироздания не всегда и не всеми приветствуются. Для альтернативных точек зрения необходимы не только опровергающие факты, но и серьезные методологические и теоретические резоны, которые находят свое обоснование в соответствующих философских и естественнонаучных учениях. Напомним о происходившем в XIX столетии кардинальном сдвиге в научном познании, когда на первый план стали выходить идеи эволюции живой и неживой природы, а также общественной жизни, объединенных в «полной интеллектуальной эволюции человечества» вплоть до «позитивной, или научной стадии» (Comte, 1968). Профессор В.П. Кохановский, автор предисловия к российскому изданию цитируемой книги, находит в ней «зародыш материализма» и даже материалистического понимания истории (Конт, 2003, с. 10–11). С этим трудно согласиться, но, доверяя высокой квалификации известного ученого, ограничимся уточнением, что речь идет не о расстановке приоритетов в деле открытия определяющей роли материальных производственных отношений, а о проведении грани между онтологическим (материя как «тело») и гносеологическим (материя как неисчерпаемая первооснова явлений) аспектами познания. И хотя второй аспект гораздо более полно отражен в диалектическом и историческом материализме, это не снимает его присутствия в трудах ведущих представителей позитивного мировоззрения. К ним, наряду с О. Контом, относится ряд выдающихся мыслителей XIX — начала XX вв. Субстанциональную основу взглядов Г. Спенсера составлял универсальный принцип эволюции, Дж.С. Милля — принцип единообразия природы, на котором покоились «методы индуктивного вывода». Этот ряд может быть продолжен в лице представителей второго позитивизма вплоть до учения о нейтральных элементах Э. Маха, на личности и взглядах которого следует остановиться подробнее.

Предварительно отметим, что позитивизм в трактовке О. Конта — одного из первых его представителей — напоминает скорее манифест, т. е. аналог того, что будет опубликовано через сто лет (в 1929 г.) участниками «Венского кружка», руководитель которого — М. Шлик — сведет эмпирическую базу науки к «протокольным предложениям» (Шлик, 1993, с. 34), фиксирующим феномены, но не причины их происхождения¹. Концептуальные каркасы превратятся в «языковые», определяющие соответствие понятий друг другу (внутри высказываний) и по отношению к внешним явлениям, которые они отражают. В получившем широкое распространение логическом позитивизме преобладал первый аспект, доказавший свою плодотворность в создании и развитии математической логики. Однако для экономиста, несмотря на прогрессирующую математизацию его науки, концептуальную важность сохраняет материальная основа исследуемых явлений, независимо от того, понимается ли под нею производство и предложение, обмен или потребление материальных благ и услуг.

¹ «Мы охарактеризовали научное миропонимание, в основном, посредством двух определяющих моментов. Во-первых, оно является эмпирическим и позитивистским: существует только опытное познание, основанное на том, что нам непосредственно дано (*das unmittelbar Gegebene*). Тем самым устанавливается граница для содержания легитимной науки. Во-вторых, для научного миропонимания характерно применение определенного метода, а именно — метода логического анализа» (Карнап и др., 2005, с. 2).

3.3. Выводы и следствия из учения Маха

Несмотря на высокие оценки, которыми Э. Маха удостаивали А. Эйнштейн и другие выдающиеся естествоиспытатели, советскими авторами он рассматривался как субъективный идеалист, находившийся едва ли не на периферии научных исследований. Такие оценки неверны: не каждый исследователь увековечивает свое имя в истории науки. Достаточно вспомнить принцип Маха, число Маха и др. Как нам представляется, критика махизма в советской традиции связана с его негативным отношением к материи как неисчерпаемой и непознаваемой до конца субстанции универсума. Э. Мах, хотя и не отказывался от реального существования физических и биологических объектов¹, но называл их совокупностью нейтральных элементов, онтологический статус которых нельзя однозначно установить: «В неизвестном, непознаваемом нечто, находящемся позади этих элементов, мы не находим нужды, и это нечто нимало не содействует лучшему пониманию» (Мах, 2003, с. 44). Для него первопричиной окружающей действительности и человеческого познания являлась «высшая субстанциальность, которая только открыта доныне исследованиями и более постоянна, чем все, что до сих пор называлось субстанцией». Это «постоянство связи реакций, которое изображается физическими законами» и устанавливается силой абстракции познающего индивида.

3.4. Абстракция как метод экономического исследования

С учетом российских реалий формирования концептуального каркаса экономической теории есть смысл рассмотреть сходство и различие использования метода научной абстракции у К. Маркса и Э. Маха. К. Маркс отмечает: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» (Маркс, 1960, Т. 1, с. 6). Опираясь на гегелевскую диалектику (в данном случае принцип совпадения логического и исторического), он выявляет недоступную непосредственному наблюдению сущность этих форм, а именно общественный характер труда и закон стоимости. Для этого анализируются последовательные этапы развития научной экономической мысли, отражающие восхождение от конкретного к абстрактному (Маркс, 1968, Введение, 1964, ч. 1, 2, 3).

Э. Мах предпочитает пользоваться естественнонаучными методами для получения обобщений, которые сопоставляются с фактами и друг с другом. Его конек — последовательное использование развитого предшественниками аппарата формальной логики. «Руководящая роль абстракции в научном исследовании очевидна. Совершенно невозможно обратить внимание на все подробности какого-нибудь явления, да это и не имело бы никакого здравого смысла. Мы обращаем внимание именно на те обстоятельства, которые для нас имеют интерес, и на те, от которых первые, по-видимому, зависят. Таким образом, первая задача исследователя — выделить мысленно при помощи сравнения различных случаев обстоятельства, зависящие друг от друга...» (Мах, 2003, с. 152). Процесс познания отождествляется с экономией мышления, которая находит свое выражение в экономи-

¹ «Я нахожу себя в пространстве, окруженным различными телами, способными двигаться в этом пространстве (с. 39): «Ошибочно было бы также думать, будто я нападаю или хочу даже совсем отменить инстинктивно развитые на хорошей эмпирической основе ходячие понятия, как субъект, объект, ощущение и т. д.» (с. 47): «Наш опыт развивается через идущее вперед приспособление наших мыслей к фактам действительности» (с. 52) и т. п.

чески упорядоченных, готовых для применения данных опыта: «Приспособление мыслей к фактам превращается при сообщении их другим людям в описание, в экономическое изображение действительного при полном и простейшем описании» (Мах, 2003, с. 283).

У нас нет намерения противопоставлять методы двух классиков. Оба соответствуют требованиям логики — диалектической и формальной, дают адекватное понимание экономики как формы и результата взаимоотношений индивидов, занятых в процессе производства материальных благ (К. Маркс) и / или нового знания (Э. Мах)¹. В то же время более чем очевидно различие двух подходов. К. Маркса интересует общественное производство — концептуальное единство системы экономических отношений и материального производства, под которым понимается опосредованное трудом («косвенное») присвоение вещей и условий существования человека. Э. Мах ограничивается переработкой данных опыта, или, говоря более современным языком, получением информации о состоянии окружающей среды. Отсюда становится ясным дальнейшее развитие каркасов: марксистского, основанного на материалистическом понимании истории, и рационально-эмпирического, охватывающего закономерности чувственного восприятия внешнего мира². Свой вклад в развитие последнего внесли П. Дюгем и А. Пуанкаре, которые не исключали наличия реальных оснований научного знания, считая, что последние постигаются с помощью интуиции (Дюгем, 2011, с. 9, 29, 32, 237; Пуанкаре, 1983, с. 83). К результатам марксова исследования мы еще вернемся, пока же завершим наше рассмотрение методологического мейнстрима, представленного в аналитической философии различными этапами развития позитивизма и постпозитивизма.

3.5. Гносеология и онтология позитивизма

Истоки третьего этапа позитивизма можно обнаружить в трудах Витгенштейна, который сформулировал постулат, что язык и мир, описываемый языком, находятся в общем логическом пространстве, следовательно, предметы также имеют логическую форму (Витгенштейн, 1994). По мнению Р. Карнапа, это не означает, что любому понятию или предложению соответствуют реальные (вещные) объекты, поэтому следует разделять языковые и концептуальные каркасы: «Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов речи, подчиненную новым правилам; мы назовем эту процедуру построением языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов. Языковый каркас делится на „логический или фактический“, что позволяет определить статус результатов наблюдений. Признать что-либо реальной вещью или событием — значит суметь включить ... в систему вещей ... в соответствии с правилами каркаса. От этих вопросов мы должны отличать внешний вопрос о реальности самого мира вещей» (Карнап, 1959, с. 298–301).

В цитируемой работе анализ взаимодействия языковых и концептуальных каркасов сведен к взаимосвязи теории и «практики», под которой подразумевается использование терминов «обыкновенного научного языка» (Карнап, 1959, с. 304). По данному поводу уместно замечание советского математика и логика

¹ «Наука не есть личное дело, а может существовать только как дело социальное» (Мах, 2003, с. 286).

² «Настоящими нашими психическими работниками являются чувственные представления, понятия же суть распорядители и надзиратели, указывающие толпам первых их место и их работу» (Мах, 2003, с. 158).

С.А. Яновской об отрыве «теоретического решения вопроса от его практического решения, логического исследования от исторического» (Карнап, 1959, с. 9). Нас, как и Яновскую, озадачивает недекларируемое отношение Карнапа к теореме К. Гёделя о неполноте формальных систем, которая предполагает выход за границы формального анализа, чтобы извне увидеть здание логических умозаключений и убедиться, что оно не покоится на нарисованном фундаменте¹. Вероятная причина кроется в различном отношении к информации. Если мы рассматриваем ее как атрибут материи, то проблема языковых каркасов сводится к их интерпретации в качестве определенных характеристик вещей, т. е. объектов, представляющих собой наблюдаемый в определенной точке пространства и времени континуум (причинную связь) вещества, энергии и информации. В ином случае нарушается диалектическое единство описательной и объяснительной функций научного исследования. Но этот вопрос находится за пределами позитивистского мейнстрима, что и доказали представители постпозитивизма.

3.6. Эвристический потенциал и методологический кризис позитивизма

Известно, какую роль сыграл Э. Мах в формировании взглядов А. Эйнштейна и в целом неклассической физики. Нетрудно увидеть влияние позитивизма на становление экономической неоклассики, отказавшейся от овеществления субстанции стоимости и сводившей экономику к функциональным связям. Позитивизм присутствует в контексте современной науки и сохраняет свое влияние на нее, но не является завершающим этапом научной методологии. Кризис, с которым столкнулся позитивизм, стал следствием попыток ответить на вопрос о прогрессе научного знания, неотделимом от организационных форм его общественного бытия.

Со времен О. Конта идея прогресса выступала организующим центром позитивного мышления. Похожая концепция — кумулятивного развития науки — остается доминирующей в российской академической и научно-педагогической среде. По мнению популярного в СССР методолога М. Бунге (Бунге, 1962), «по существу, указанная точка зрения предполагает непрерывный рост в виде аддитивной последовательности теорий, сходящихся к некоторому пределу, объединяющему все теории в единое целое» (цит. по: Мамчур, 1987, с. 81). Поскольку для логических позитивистов, находившихся под влиянием Витгенштейна, «законы науки и научные теории суть сети, с помощью которых осуществляется описание реальности» (Витгенштейн, 2005, с. 362.), постольку существует множество «концептуальных каркасов» и теряет актуальность идея линейно-кумулятивного прогресса. О. Нейрат, к слову, сторонник «безденежной экономики», говорил об энциклопедизме как форме создания и развития «объединенной науки» путем кооперации ученых в плодотворной дискуссии. В его понимании «марш науки прогрессирует от энциклопедии к энциклопедии» (Neurath, 1983, р. 146, 230). Это требовало иного взгляда на мир, что нашло выражение в понятиях и каркасах постпозитивизма: мир объективного знания (Поппер, 1983), парадигма (Кун, 1977), научные исследовательские программы (Лакатос, 1978), сетчатая модель обоснования (Laudan, 1996), поля аргументации (Toulmin, 1958), тема в науке (Холтон, 1981) и др. Они заслуживают отдельного и подробного рассмотрения, но, руководствуясь целью данной публикации, мы ограничимся краткой характеристикой первых трех.

¹ Справедливости ради отметим, что сам Гёдель признавал существование независимых математических объектов, которые познаются при помощи интуиции (Gödel, 1984).

4. Постпозитивизм: реабилитации субстанционального подхода, парадигма, научная исследовательская программа

4.1. Мир объективного знания К. Поппера

Критический рационализм К. Поппера определяется восприятием универсума как: 1) мира физических объектов или физических состояний; 2) мира состояний сознания, т. е. мыслительных (ментальных) состояний, и, возможно, диспозиций к действию; 3) мира объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства» (Поппер, 1983, с. 439–440). Последний более известен под именем мира объективного знания — продукта специфически человеческой деятельности. Отсюда можно провести небеспошвенную аналогию с материалистическим пониманием истории. Поппером этот вариант не рассматривается, как и любой другой, не соответствующий, по его мнению, критерию фальсифицируемости (опровергаемости). Он также не готов встать на позицию креационизма — разумного сотворения универсума. Отвечая на вопрос о его структурном единстве и закономерностях восхождения от низших форм к высшим, К. Поппер постулирует «мир предрасположенностей»¹, что позволяет ему выдвинуть тезис о существовании «гибкого управления» в качестве феномена органической и неорганической природы (Поппер, 1983, с. 548–549). На наш взгляд, такой подход не противоречит идее Витгенштейна об общем логическом пространстве языка и мира или представлению о «логических формах и законах как отражении объективного мира» (Ленин, 1973, с. 162, 178). Но об эвристических возможностях различных концептуальных каркасов следует судить не априори, а по результатам объединенных вокруг них групп научного сообщества, которые включают известных российским экономистам методологов — Т. Куна, И. Лакатоса (и менее известных — Л. Лаудана, М. Полани, С. Тулмина, Дж. Холтона и др., на произведениях которых мы не имеем возможности остановиться).

4.2. Парадигма

Парадигма представляет собой методологическое понятие, которое особенно часто используется в русскоязычной литературе. Несмотря на прямые или косвенные отсылки к основополагающей работе (Kuhn, 1970), разнообразие трактовок достаточно велико. Впрочем, и сам Т. Кун не придерживался единых формулировок, что делает необходимым обращение к исходному определению. В языке оригинала греческое *παράδειγμα* обозначает образец, модель, в т. ч. построения мира (в диалогах Платона). И хотя в русском переводе «Структур научных революций» нет понятия «концептуальный каркас», приведем некоторые близкие по смыслу высказывания: концептуальные рамки; понятийная сетка, через которую ученые рассматривали мир и др. (Кун, 1977, с. 22, 83–84). При их оценке представляется важным учесть мнение И. Лакатоса, который пишет: «Концептуальный каркас, в рамках которого Т. Кун пытается объяснить непрерывность научного развития, заимствован из социальной психологии; я же предпочитаю нормативный подход к эпистемологии» (Лакатос, 2011).

¹ В конце жизни, выступая перед участниками Всемирного философского конгресса в Брайтоне в 1988 г., Поппер предложил придать понятию «предрасположенностей» космологический смысл и рассматривать весь мир как «мир предрасположенностей» (цит. по: Юлина. 1995, с. 16. — участника конгресса и адресата последующего письма К. Поппера: Юлина Н. С.).

Парадигма определяется исторически достигнутыми (социальными) границами знания. Область ее применения — учебники и нормальная наука: «Только если все соответствующие концептуальные категории подготовлены заранее, открытие чего-то и определение, что это такое, легко осуществляется совместно и одновременно» (Кун, 1977, с. 83–84). В экономическом образовании базовыми стали произведения А. Смита, Дж. С. Милля, К. Маркса, А. Маршалла и других выдающихся ученых, в которых представлены различные, иной раз противоположные точки зрения. Позиция Т. Куна о наличии дисциплинарных матриц, объединяющих исследовательское сообщество (Кун, 1977, с. 73, 237–244), также не противоречит концепции нового энциклопедизма, которая, с учетом растущего влияния междотраслевых исследований (Кирдина-Чэндлер, 2023), нам кажется достаточно перспективной. Однако за пределами нормальной науки остаются нерешенные проблемы (аномалии). Они требуют «смены понятийной сетки, через которую ученые рассматривали мир», и появления новой парадигмы. Вопрос о ее соотношении с прежней наукой рассмотрен Лакатосом.

4.3. Научная исследовательская программа

Движущими мотивами И. Лакатоса были критика «наивного фальсификационизма» и необходимость определить соотношение между внутренней (интеллектуальной) и внешней (социальной) историей науки (Лакатос, 1978, с. 202). Исследовательскую программу образует совокупность и последовательность теорий, связанных непрерывно развивающимся основанием, общностью основополагающих идей и принципов. Ее составными частями являются жесткое ядро, защитный пояс, положительная и отрицательная эвристики, последние «дают вместе примерное (неявное) определение «концептуального каркаса» (и, значит, языка). Поэтому, если история науки понимается как история исследовательских программ, а не теорий, в этом приобретает определенный смысл утверждения о том, что история науки есть история концептуальных каркасов или языков науки» (Лакатос, 2011; Lakatos, 1970). Не вступая в дискуссию, насколько прав И. Лакатос в своих достаточно категоричных суждениях, перейдем к содержательной интерпретации приведенного выше заключительного положения на материалах экономической науки. Начнем с «Капитала» К. Маркса, содержащего критику и диалектико-материалистическую альтернативу классической политической экономии.

5. Исследовательская программа марксизма

5.1. Формирование концептуального каркаса марксистской политэкономии

Марксистская критика политической экономии оформилась на фундаменте материалистической диалектики и материалистического понимания истории и включала в качестве составных частей:

- 1) Диалектику Аристотеля, выражавшую последовательное выявление «причин» (рис. 1);
- 2) Метод научной абстракции, включавший критическую оценку восхождения от конкретного к абстрактному в истории экономической мысли;
- 3) «Гегелевское» восхождение от абстрактного к конкретному: бытие — сущность — явление — действительность;

4) Конструкты, соединяющие в рамках единого концептуального каркаса абстрактное и конкретное (описание и объяснение исследуемых явлений) (рис. 2).

5.2. Верификация и фальсификация экономической теории Маркса

Концептуальный каркас потенциально присутствует в каждом завершённом произведении, отвечающем критериям научности. Мы считаем, что его извлечение из экономических произведений К. Маркса подтверждает данный вывод, но оставляет открытым вопрос об их верификации и фальсифицируемости.

Апробация излагаемой выше концепции осуществлялась на философском и экономическом факультетах Уральского госуниверситета в спецсеминаре по «Капиталу» К. Маркса, который проводился в соответствии с учебным планом в течение 3-х семестров, начиная с октября 1985 г. Параллельно издавались методические материалы, брошюры по тем или иным разделам курса, была опубликована монография «Системный анализ объекта и предмета в «Капитале» К. Маркса» (Дятел, 1987), ставшая основой одноименной докторской диссертации. По мнению автора, ему удалось осуществить корректировку некоторых положений политической экономии товарного производства, указать на необходимость их приведения в соответствие с теорией предельной полезности и новой экономической реальностью (Дятел, 2019). Что касается базовых положений «Капитала», частично они были подвергнуты фальсификации последователями и реформаторами марк-

Формальная причина (<i>causa formalis</i>)	Материальная причина (<i>causa materialis</i>)	Производящая причина (<i>causa efficiens</i>)	Целевая причина (<i>causa finalis</i>)
Родовой признак	Материя (материальный объект)	Форма объекта, или специфический предмет науки	Единство формы и содержания как закон движения изучаемого явления

Рис. 1. Структура и логика исследования (концептуальный каркас) диалектики Аристотеля (Соч. Т. 1, кн. 5, гл. 8)

Fig. 1. Structure and Logic of Research on Aristotle's Dialectic (Conceptual Framework)

Полезность вообще	Потребительная стоимость	Меновая стоимость	Общественная потребительная стоимость (товар)
			Овеществленный труд
Труд вообще	Конкретный труд	Абстрактный труд (общественный характер труда)	Общественно необходимый (частный) труд
Простой средний труд			
Простая, или случайная, форма стоимости	Полная форма стоимости	Всеобщая форма стоимости	Денежная форма
			Товарный фетишизм
Планомерная форма хозяйства	Натуральная форма хозяйства	Товарная форма хозяйства	«Объективные мыслительные формы»

Рис. 2. Концептуальный каркас «политической экономии товарного производства» (закавыченное выражение принадлежит Ф. Энгельсу (Энгельс, 1961, с. 320)).

Fig. 2. Conceptual Framework of "Political Economy of Commodity Production"

систского учения (Люксембург, 1934; Бернштейн, 1991), что свидетельствует о несостоятельности аргумента Поппера о мифологичности марксизма.

Одним из верифицирующих результатов мы считаем использование концептуального каркаса марксизма в качестве структурно-логической основы для преподавания неоклассики и некоторых других разделов современной экономической науки. Оно сопровождалось изданием учебных пособий по микро- и макроэкономике¹, ссылки на которые присутствуют в отечественной литературе. Это показывает, что данный каркас может применяться для упорядочения и реинтерпретации базовых понятий экономического мышления (рис. 3).

5.3. Дуглас Норт vs Карл Маркс (возможности и пределы марксизма)

Исследовательская программа К. Маркса имеет сравнительные преимущества и границы применения. Остановимся на примерах, относящихся к эволюционным и институциональным факторам экономического развития.

Чтобы провести грань между естественно выросшими и специфически общественными причинами хозяйственного роста, Д. Норт констатирует: «Общие издержки производства состоят из ресурсных вложений земли, труда и капитала...», и далее указывает: «Требуются новые аналитические основы микроэкономической теории». Причина заключена в недоучете неоклассикой трансакционных издержек: «Определения, защиты и обеспечения прав собственности на продукцию (право использования, право исключения использования другими лицами и право производить обмен» (Норт, 1997, с. 46). Доказательство таково: «В стандартной неоклассической модели Вальраса ... товары идентичны, рынок сконцентрирован в единой точке пространства и обмен происходит мгновенно» (Норт, 1997, с. 49).

Действительно, в каноническом виде вальрасовская система уравнений не имеет математического решения. Она основана на «93 % теории трудовой стоимости» Д. Рикардо (Стиглер, 2000), игнорировавшей наличие определенного числа продуктов (например, редких вин), чья цена увязана с уникальностью используемых ресурсов и не определяется относительными затратами труда. Эластичность их предложения в малой степени зависит от издержек и в пределе стремится к нулю, что предполагает использование нелинейных уравнений, способы решения которых были найдены лишь в XX в. (Богатов, 2017, с. 94). Иными словами, цена редких вин обусловлена естественно выросшим, а регулируется институциональным фактором — собственностью на землю.

Если обратить внимание на эволюционную и институциональную составляющие поведения человека, то в микроэкономической теории товар предстает как результат действия сложной совокупности факторов производства и предложения, осуществляемого в естественно выросших рамках. «Следует заметить, что время (а также местоположение) могут быть включены в определение товара. Строго говоря, хлеб сегодня и завтра может рассматриваться как различные товары. Аналогично, когда мы имеем дело с принятием решений в условиях неопределенности..., нам удобнее трактовать хлеб в разных „состояниях природы“ как разные товары» (Мас-Колелл и др., 2016, с. 23). Оба указанных фактора вклю-

¹ Дятел, Е. П. (2010). *Поведение производителя в условиях совершенной конкуренции*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 94; Дятел, Е. П., Голомолзина, Н. В. (2012). *Макроэкономика (основные понятия, взаимосвязи, графические модели)* (учебное пособие). Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 184; Нуреев, Р. М. (2023). *Курс микроэкономики*. Москва: Издательство Норма, 624.

Потребность	Благо	Экономическая потребность	Экономическое благо
			Принцип максимизации (экономический принцип)
Выбор	Ограниченность ресурсов	Альтернативное использование ресурсов (экономический выбор)	Реальный доход (чистая выгода)

Рис. 3. Концептуальный каркас неоклассики (базовые экономические понятия) (сост. автором с использованием источников (Нуреев, 2023¹; Роббинс, 1983)).

Fig. 3. Conceptual Framework of Neoclassicism (Fundamental Economic Concepts)

чены в макроэкономическую теорию Дж. М. Кейнса, во-первых, путем кардинального изменения кратко- и долгосрочного периодов в макроэкономике; во-вторых, психологическим обоснованием предельной склонности к потреблению. Если второе может быть отнесено к эволюционной экономике, то первое явно указывает на важность национальной собственности на используемые факторы производства. Их исчерпание — особенность долгосрочного периода, относится к полезным ископаемым, капитальным средствам производства и трудовым ресурсам, интенсивное использование которых хотя и позволяет превосходить потенциальный ВВП, но имеет свои границы.

Критикуя неоклассическую экономическую теорию за недостаточное внимание к причинам хозяйственного роста, Д. Норт отмечает в качестве исключения «труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями». По его мнению, «ошибочность марксистской теории состоит в том, что для достижения тех результатов, которые она предусматривает, потребовалось бы внести фундаментальные изменения в человеческое поведение. Но даже после 70 лет социализма мы не располагаем свидетельствами о том, что такие изменения действительно имеют место» (Норт, 1997, с. 168–169).

Продолжая тему, мы считаем необходимым обратить внимание на редукцию идеологических (политика, право, мораль) и материальных производственных (организация и разделение труда) отношений к формам и факторам поведения реальных экономических агентов. Капиталистический способ производства, как и любой другой, настроен обходиться без излишеств: зачем платить больше, если можно возместить расходование рабочей силы в «физиологическом» смысле? Тем не менее базовые элементы нормативной экономики сохраняются при капитализме, приобретая новую институциональную форму. Поэтому если речь идет о теоретических понятиях марксистской политической экономии: абстрактный труд, чистый капитализм, наемный рабочий, — то их конкретизация, по словам К. Маркса, должна учитывать поправки на климатические и другие природные особенности страны, ее культурный уровень. «Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная» (Маркс, Энгельс, 1960, Т. 20, с. 55, 177–187).

Последний вывод нам кажется проблематичным, а его реализация в СССР отчасти верифицирует «свидетельства» Д. Норты. Использование средних (бухгалтерских) показателей неизбежно приводит к игнорированию экономических интере-

сов конкретных индивидов, каждый из которых находится в своем естественно и исторически сложившемся статусе в условиях многоукладной экономики. «Средняя» цена и величина услуг наемной рабочей силы противоречит неоклассическим предположениям о предельной тягости труда, соизмеряемой с предельной полезностью продукта, созданного для потребления или обмена (Jevons, 1924, p. 165–168). Реально существующая самоорганизация рыночной экономики подчеркивает принципиальное отличие неоклассики от экономической теории марксизма, игнорирующего проблему экономического выбора как проявления рациональной или ограниченно рациональной (адаптивной) деятельности человека. Поэтому нам кажется недостаточно сильным утверждение, что «чистая неоклассическая экономическая модель» дает «прекрасный фон, на котором удобно сравнивать теорию с реальным экономическим процессом» (Норт, 1997, с. 28). Это не просто «фон», а исторически возникшая парадигма, сыгравшая роль в становлении эволюционной и неинституциональной экономики. Назрело ее включение в марксистскую исследовательскую программу с перспективой интеграции всех трех подходов в новом теоретико-методологическом мейнстриме.

Выводы

Подытожим полученные нами результаты. Использовано новое для экономической теории методологическое понятие — концептуальный каркас, который представляет собой идеальную конструкцию, организованную в соответствии с правилами логического мышления и являющуюся отправным пунктом восхождения от абстрактного к конкретному в процессе переработки эмпирических представлений об окружающей действительности в систему экономических понятий.

Логическое определение концептуального каркаса может стать как предметом спекуляций, так и ключом к решению проблемы общего и специфического. Обращаясь к истории написания «Капитала» Маркса, мы показали необходимость переосмысления на основе метода научной абстракции, путей и закономерностей «выделения некоторых определяющих абстрактных всеобщих отношений» (Маркс, 1968, с. 37).

Извлечение из «Капитала» концептуального каркаса политической экономии товарного производства показывает, что он в концентрированном виде и в то же время зеркально отражает восхождение от конкретного к абстрактному в истории экономической мысли, которое завершилось классическим (рикардианским) определением товара как продукта труда (Рикардо, 1955, с. 34).

К. Маркс был далеко не первым, кто задумался о путях материалистического объяснения действительности. Безуспешность аналогичных попыток его предшественников привела позитивистов к отказу от материальной субстанции в качестве первоосновы наблюдаемых явлений. Позитивистское мировоззрение нашло свое воплощение в научных дисциплинах, образующих корпус современной экономической теории, в т. ч. неоклассики и неинституциональной экономики. К примеру, нобелевский лауреат О. Уильямсон заменяет материальные факторы производства на активы (Уильямсон, 1996), ценность которых определяется на рынке эмпирическим путем взаимодействия спроса и предложения. Это оправданно с точки зрения специфики осуществляемого им исследования, но выводит за его рамки экономический базис, т. е. систему материальных производственных отношений в их взаимосвязи с производительными силами общества.

Мы придерживаемся мнения о наличии нереализованных возможностей в преэминентности категориального аппарата современных экономических теорий с концептуальным каркасом классической экономической науки. В качестве иллюстрации нами проведена интерпретация базовых экономических категорий неоклассики на основе структуры и логики политической экономии товарного производства.

В своих модификациях, обусловленных спецификой той или иной научной дисциплины, выявленный концептуальный каркас может быть использован в качестве эффективного способа формирования экономического мышления студентов и специалистов, что подтверждается многолетним опытом проведения спецсеминара по «Капиталу» Маркса, преподавания микро- и макроэкономики, других экономических дисциплин, а также успешными защитами выпускных работ и диссертаций на соискание ученых степеней.

Считая экономическую теорию открытой системой и опираясь на опыт реализации соответствующего концептуального каркаса в своей научной и преподавательской деятельности, мы предполагаем возможным высказать предложения о перспективах его дальнейшего использования. Каркасы могут отражать различные хозяйственные уклады в смешанной экономике, объединяющей органическую, командную и рыночную формы хозяйства. Их содержательное наполнение зависит от мировоззренческих установок ученого. В.М. Полтерович, указывая на существование «двух канонов» — школы экономического равновесия и институционально-исторической школы, — отмечает: «Мы находимся лишь в начале пути, ведущего к синтезу» (Полтерович, 2022, с. 54). Эта задача, представленная в более полном виде, включая канон классической политэкономии, может определить направление дальнейшего исследования автора данной публикации в «расширяющейся вселенной экономической теории» (Клейнер, 2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аристотель (1975). *Метафизика. Соч. в 4-х томах*. Т. 1 (С. 63–367). Москва: Мысль.
- Аристотель (1978). *Вторая аналитика. Соч. в 4-х томах*. Т. 2 (С. 255–346). Москва: Мысль.
- Бернштейн, Э. (1991). Возможен ли научный социализм? Предисловие Е. Л. Петренко. *Политические исследования*, 4, 175–181.
- Богатов, Е. М. (2017). Об истории развития нелинейных интегральных уравнений в СССР. Сильные нелинейности. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Математика. Физика*, 6(255), 93–106.
- Бунге, М. (1962). *Причинность. Место принципа причинности в современной науке*. Москва: Издательство иностранной литературы, 512.
- Витгенштейн, Л. (1994). О достоверности. *Философские работы*. Ч. 1. (С. 323–405). Москва: «Гнозис».
- Витгенштейн, Л. (2005). *Логико-философский трактат. Избранные работы* (С. 14–228). Москва: Издательский дом «Территория будущего».
- Гайденко, П. П. (2000). *История новоевропейской философии в ее связи с наукой*. Москва: Университетская книга, 456.
- Дюгем, П. (2011). *Физическая теория. Ее цель и строение*. Москва: КомКнига, 328.
- Дятел, Е. П. (1987). *Системный анализ объекта и предмета в «Капитале» К. Маркса*. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 224.
- Дятел, Е. П. (2019). Критерии научной достоверности и способы повышения эвристического потенциала экономической теории. *Журнал экономической теории*, 16(3), 513–527. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.18>

Дятел, Е. П. (2021). Статус экономической теории как научной и учебной дисциплины. *Журнал экономической теории*, 18(3), 374–388. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4>

Карнап, Р. (1959). *Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике*. Москва: Изд. иностр. литературы, 384.

Карнап, Р., Ган, Г., Нейрат, О. (2005). Научное миропонимание — венский кружок. *Логос*, 2(47), 13–26.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. *AlterEconomics*, 20(1), 59–78. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4>

Клейнер, Г. Б. (2023). Расширяющаяся вселенная экономической теории. *AlterEconomics*, 20(1), 1–8. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.1>

Конт, О. (2003). *Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении)*. Перевод с французского И. А. Шапиро. Ростов н/Д.: Феникс, 256.

Кун, Т. С. (1977). *Структура научных революций*. Москва: «Прогресс», 300.

Лакатос, И. (1978). История науки и ее рациональные реконструкции. *Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки* (С. 203–269). Москва: Прогресс.

Лакатос, И. (2011). *Фальсификация и методология научно-исследовательских программ*. Москва. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4369/4370> (дата обращения 03.02.22).

Ленин, В. И. (1973). *Полн. Собр. Соч. Философские тетради*. Т. 29. Москва: Издательство политической литературы, 782.

Люксембург, Р. (1934). *Накопление капитала*. Т. I и II. Москва, Ленинград: Соцэкгиз, 463.

Мамчур, Е. А. (1987). *Проблемы социально-культурной детерминации научного знания*. Москва: Наука, 125.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1960). *Капитал. Критика политической экономии*. Т. I. Книга I. (С. 5–907). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, К. (1964). *Теории прибавочной стоимости*. Т. 26, ч. 1, 2, 3. Москва: Государственное издательство политической литературы, 674.

Маркс, К. (1968). *Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение* (С. 17–48). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Мас-Колелл, А., Уинстон, М. Д., Грин, Дж. Р. (2016). *Микроэкономическая теория*. Пер. с англ. под науч. ред. М. И. Левина, Е. В. Покатович. Москва: Дело, 1333.

Мах, Э. (2003). *Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования*. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 456.

Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 180.

Ореховский, П. А., Нуреев, Р. М. (2023). Схоластика в экономической науке как симптом неизбежного кризиса. *AlterEconomics*, 20(1), 9–28. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.2>

Полтерович, В. М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов. *Вопросы теоретической экономики*, 1(14), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57

Поппер, К. (1983). *Логика и рост научного знания*. Избранные работы. Пер. с англ. Москва: Издательство «Прогресс», 605.

Пуанкаре, А. (1983). *О науке*. Москва: «Наука», Главная редакция физико-математической литературы, 560.

Рикардо, Д. (1955). *Сочинения. Т. 1: Начала политической экономии и налогового обложения*. Москва: Государственное издательство политической литературы, 360.

Роббинс, Л. (1993). Предмет экономической науки. *THESIS*, 1, 10–23.

- Стиглер, Дж. (2000). Рикардо и 93 %-ная трудовая теория ценности. *Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса*. Т. 3 (С. 162–177). Под ред. В. М. Гальперина. Санкт-Петербург: Экономическая школа.
- Тулмин, С. (1984). *Человеческое понимание*. Пер. с англ. З. В. Кагановой; под общ. ред. и с вступ. ст. П. Е. Сивоконя. Москва: Издательство «Прогресс», 325.
- Уильямсон, О. И. (1996). *Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация*. Пер. с англ. Ю. Е. Благова и др.; под науч. ред. В. С. Катькало. Санкт-Петербург: Лениздат, 702.
- Холтон, Дж. (1981). *Тематический анализ науки*. Пер. с англ. А. Л. Великовича, В. С. Кирсанова, А. Е. Левина; под общ. ред. и с послесл. чл.-корр. АН СССР С. Р. Микулинского. Москва: Прогресс, 383.
- Шлик, М. (1993). О фундаменте познания. *Аналитическая философия: избранные тексты* (С. 33–49). Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Шумпетер, Й. А. (2001). *История экономического анализа*. В 3-х т. Т. 1. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 552.
- Энгельс, Ф. (1961). *Анти-Дюринг. Полн. Собр. Соч.* Т. 20. (С. 5–338). Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Юлина, Н. С. *Философия и научное познание*. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps1/3.pdf> (дата обращения: 11.05.2022).
- Comte, A. (1968). *System of positive polity*. New York: B. Franklin, 793.
- Gödel, K. (1984). What is Cantor's continuum problem? In P. Benacerraf & H. Putnam (Eds.), *Philosophy of Mathematics: Selected Readings* (pp. 470–485). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139171519.025>
- Jevons, W. S. (1924). *The Theory of Political Economy*. London: Macmillan, 339.
- John of Salisbury (1962). *The Metalogicon of John of Salisbury. A Twelfth-Century Defense of the Verbal and Logical Arts of the Trivium*. Berkley: Univ. of California Press, 305.
- Kuhn, T. S. (1970). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, London: University of Chicago Press, 210.
- Lakatos, I. (1970). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In Harding, S. G. (Eds.). *Can Theories be Refuted?* Synthese Library, Vol. 81. Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1863-0_14
- Laudan, L. (1996). *Beyond Positivism and Relativism: Theory, Method, and Evidence*. Boulder, CO: Westview Press, 277.
- Neurath, O. (1983). *Philosophical Papers 1913–1946*. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 146.
- Toulmin, S. E. (1958). *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 261.

References

- Aristotle (1975). *Metafizika [Metaphysics]*. *Writings*. In 4 Vols. Vol. 1 (pp. 63–367). Moscow, Russia: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Aristotle (1978). *Vtoraya analitika [Second Analytics]*. *Writings*. In 4 Vols. Vol. 2 (pp. 255–346). Moscow, Russia: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Bernshtein, E. (1991). *Vozmozhno li nauchnyy sotsializm? Predislovie E. L. Petrenko [Whether Scientific Socialism is Possible. Foreword by Ye. L. Petrenko]*. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 4, 175–181. (In Russ.)
- Bogatov, E. M. (2017). *Ob istorii razvitiya nelineynykh integral'nykh uravneniy v SSSR. Sil'nye nelineynosti [About the History of Development of Nonlinear Integral Equations in the USSR. Strong Nonlinearities]*. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Matematika. Fizika [Research Bulletin of Belgorod State University. Mathematics. Physics]*, 6(255), 93–106. (In Russ.)

Bunge, M. (1962). *Prichinnost'. Mesto printsipa prichinnosti v sovremennoy nauke [Causality: The Place of the Causal Principle in Modern Science]*. Moscow, Russia: Foreign Languages Publishing House, 512. (In Russ.)

Carnap, R. (1959). *Znachenie i neobkhodimost'. Issledovanie po semantike i modal'noy logike [Meaning and Necessity — A Study in Semantics and Modal Logic]*. Moscow, Russia: Foreign Languages Publishing House, 384. (In Russ.)

Carnap, R., Hahn, H., & Neurath, O. (2005). Nauchnoe miroponimanie — venskiy kruzhok [The Scientific Conception of the World: The Vienna Circle]. *Logos*, 2(47), 13–26. (In Russ.)

Comte, O. (2003). *Dukh pozitivnoy filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) [The Spirit of Positive Philosophy]*. Translated from French by I. A. Shapiro. Rostov-on-Don, Russia: Phoenix, 256. (In Russ.)

Comte, A. (1968). *System of positive polity*. New York: B. Franklin, 793.

Duhem, P. (2011). *Fizicheskaya teoriya. Ee tsel' i stroenie [Physical theory: Its object and structure]*. Moscow, Russia: KomKniga Publ., 328. (In Russ.)

Dyatel, E. P. (1987). *Sistemnyy analiz ob"ekta i predmeta v "Kapitale" K. Marksa [System Analysis of the Object and the Subject in K. Marx's Capital]*. Irkutsk, Russia: Publishing House of the Irkutsk University, 224. (In Russ.)

Dyatel, E. P. (2019). Kriterii nauchnoy dostovernosti i sposoby povysheniya evristicheskogo potentsiala ekonomicheskoy teorii [Scientific Criteria and Means of Enhancing the Heuristic Potential of Economic Theory]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 16(3), 513–527. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.18> (In Russ.)

Dyatel, E. P. (2021). Status ekonomicheskoy teorii kak nauchnoy i uchebnoy distsipliny [The Status of Economic Theory as a Scientific and Educational Discipline]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 18(3), 374–388. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.4> (In Russ.)

Engels, F. (1961). *Anti-Dyuring [Anti-Dühring]. Collected Works*. Vol. 20. (pp. 5–338). Moscow, the USSR: State Publishing House for Political Literature. (In Russ.)

Gaydenko, P. P. (2000). *Istoriya novoevropeyskoy filosofii v ee svyazi s naukoy [The History of Modern European Philosophy in its Relation to Science]*. Moscow, Russia: "Universitetskaya kniga" Publ., 456. (In Russ.)

Gödel, K. (1984). What is Cantor's continuum problem? In P. Benacerraf & H. Putnam (Eds.), *Philosophy of Mathematics: Selected Readings* (pp. 470–485). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139171519.025>

Holton, G. J. (1981). *Tematicheskii analiz nauki [Thematic origins of scientific thought: Kepler to Einstein]*. Translated from English by A. L. Velikovich, V.S. Kirsanov, A.E. Levin. In corresponding member of Academy of Sciences of the USSR S.R. Mikulinskiy (Ed.). Moscow, Russia: Progress, 383. (In Russ.)

Jevons, W. S. (1924). *The Theory of Political Economy*. London: Macmillan, 339.

John of Salisbury (1962). *The Metalogicon of John of Salisbury. A Twelfth-Century Defense of the Verbal and Logical Arts of the Trivium*. Berkley: Univ. of California Press, 305.

Kirdina-Chandler, S. G. (2023). O sinteze i mezhdistsiplinarnosti v ekonomicheskoy teorii: sravnenie russkoyazychnogo i angloyazychnogo diskursov [On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses]. *AlterEconomics*, 20(1), 59–78. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.4> (In Russ.)

Kleiner, G. B. (2023). Rasshirayayushchayasya vseleonnaya ekonomicheskoy teorii [Expanding Universe of Economic Theory]. *AlterEconomics*, 20(1), 1–8. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.1> (In Russ.)

Kuhn, T. S. (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy [The Structure of Scientific Revolutions]*. Moscow, Russia: «Progress», 300. (In Russ.)

Kuhn, T. S. (1970). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, London: University of Chicago Press, 210.

Lakatos, I. (1970). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In Harding, S. G. (Eds.). *Can Theories be Refuted?* Synthese Library, Vol. 81. Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1863-0_14

Lakatos, I. (1978). Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii [History of Science and Its Rational Reconstructions]. *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki [The Structure and Development of Science. Boston Studies in the Philosophy and History of Science]* (pp. 203–269). Moscow, Russia: Progress. (In Russ.)

Lakatos, I. (2011). *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm [Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes]*. Moscow. Center for Humanitarian Technologies. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/library/basis/4369/4370> (Date of access: 03.02.22). (In Russ.)

Laudan, L. (1996). *Beyond Positivism and Relativism: Theory, Method, and Evidence*. Boulder, CO: Westview Press, 277.

Lenin, V. I. (1973). *Poln. Sobr. Soch. Filosofskie tetradi [Collected Works. Philosophical Notebooks]*. Vol. 29. Moscow, Russia: Political Literature Publishing House, 782. (In Russ.)

Luxemburg, R. (1934). *Nakoplenie kapitala [The Accumulation of Capital]*. Vol. I and II. Moscow, Leningrad, the USSR: Sotsekgiz, 463. (In Russ.)

Mach, E. (2003). *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya [Knowledge and Error. Sketches on the Psychology of Enquiry]*. Moscow, Russia: BINOMIAL. Knowledge Lab, 456. (In Russ.)

Mamchur, E. A. (1987). *Problemy sotsial'no-kul'turnoy determinatsii nauchnogo znaniya [Problems of Socio-Cultural Determination of Scientific Knowledge]*. Moscow, Russia: Nauka, 127. (In Russ.)

Marx, K. (1960). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. A Critique of Political Economy]*. Vol. I. Book I. (pp. 5–907). Moscow, the USSR: State Publishing House for Political Literature. (In Russ.)

Marx, K. (1964). *Teorii pribavochnoy stoimosti [Theories of Surplus Value]*. Vol. 26, parts 1, 2, 3. Moscow, the USSR: State Publishing House for Political Literature, 674. (In Russ.)

Marx, K. (1968). *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. Vvedenie [Economic Manuscripts 1857–1859. Introduction]* (pp. 17–48). Moscow, the USSR: State Publishing House for Political Literature. (In Russ.)

Mas-Colell, A., Whinston, M. D., & Green, J. R. (2016). *Mikroekonomicheskaya teoriya [Microeconomic Theory]*. Translated from English under scientific editorship M. I. Levin, E. V. Pokatovich. Moscow, Russia: Delo, 1333. (In Russ.)

Neurath, O. (1983). *Philosophical Papers 1913–1946*. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 146.

North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional change and economic performance]*. Moscow, Russia: Fund of the economic book “Nachala”, 180. (In Russ.)

Orekhovskiy, P. A., & Nureev, R. M. (2023). Skholastika v ekonomicheskoy nauke kak simptom neizbezhnogo krizisa [Scholasticism in Economics as a Symptom of an Unavoidable Crisis]. *AlterEconomics*, 20(1), 9–28. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.2> (In Russ.)

Poincaré, J. H. (1983). *O nauke [About Science]*. Moscow, the USSR: Nauka Publ., 560. (In Russ.)

Polterovich, V. M. (2022). Na puti k obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: k sintezu dvukh kanonov [On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards the Synthesis of Two Canons]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of economic Theory]*, 1(14), 48–57. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57 (In Russ.)

Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty [The Logic of Scientific Discovery]*. Translated from English. Moscow, the USSR: Progress Publ., 605. (In Russ.)

Ricardo, D. (1955). *Sochineniya. T. 1: Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [The Works. Vol. 1: Principles of Political Economy and Taxation]*. Moscow, Russia: State Publishing House for Political Literature, 360. (In Russ.)

Robbins, L. (1993). Predmet ekonomicheskoy nauki [The subject-matter of economics]. *THESIS*, 1, 10–23. (In Russ.)

Schumpeter, J. A. (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza [History of Economic Analysis]*. In 3 Volumes. Vol. I. Translated from English. St Petersburg, Russia: The School of Economics Publ., 552. (In Russ.)

Stigler, G. (2000). Rikardo i 93 %-naya trudovaya teoriya tsennosti [Ricardo and the 93 % Labor Theory of Value]. *Vekhi ekonomicheskoy mysli. Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa [Milestones of Economic Thought. Theory of Consumer Behavior and Demand]*. Vol. 3. (pp. 162–177). In V. M. Galperin (Ed.). St Petersburg, Russia: The School of Economics. (In Russ.)

Schlick, M. (1993). O fundamente poznaniya [On the Foundations of Knowledge]. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty [Analytic Philosophy: Selected Works]* (pp. 33–49). Moscow, Russia: Moscow University Press. (In Russ.)

Toulmin, S. (1984). *Chelovecheskoe ponimanie [Human Understanding]*. Translated by Z. V. Kaganova. In P. E. Sivokoyan (Ed.). Moscow, the USSR: Progress, 325. (In Russ.)

Toulmin, S. E. (1958). *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 261.

Williamson, O. E. (1996). *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya [The economic institutions of capitalism]*. Translated from English by Yu. E. Blagov. In V. S. Katkalo (Ed.). St Petersburg, Russia.: Lenizdat Publ., 702. (In Russ.)

Wittgenstein, L. (1994). O dostovernosti [About credibility]. *Filosofskie raboty [Works on Philosophy]. Part 1.* (pp. 323–405). Moscow, Russia: Gnozis. (In Russ.)

Wittgenstein, L. (2005). Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. *Izbrannye raboty [Selected Writings]* (pp. 14–228). Moscow, Russia: "Territory of the Future" Publ. (In Russ.)

Yulina, N. S. *Filosofiya i nauchnoe poznanie [Philosophy and Scientific Knowledge]*. Retrieved from: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps1/3.pdf> (Date of access: 11.05.2022). (In Russ.)

Информация об авторе

Дятел Евгений Петрович — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории, Институт экономики УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0002-4383-8060> (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

About the author

Evgeny P. Dyatel — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate at the Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-4383-8060> (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, 29; e-mail: dyatel1942@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 20.05.2023.

Прошла рецензирование: 19.06.2023.

Принято решение о публикации: 22.08.2023.

Received: 20 May 2023.

Reviewed: 19 Jun 2023.

Accepted: 22 Aug 2023.